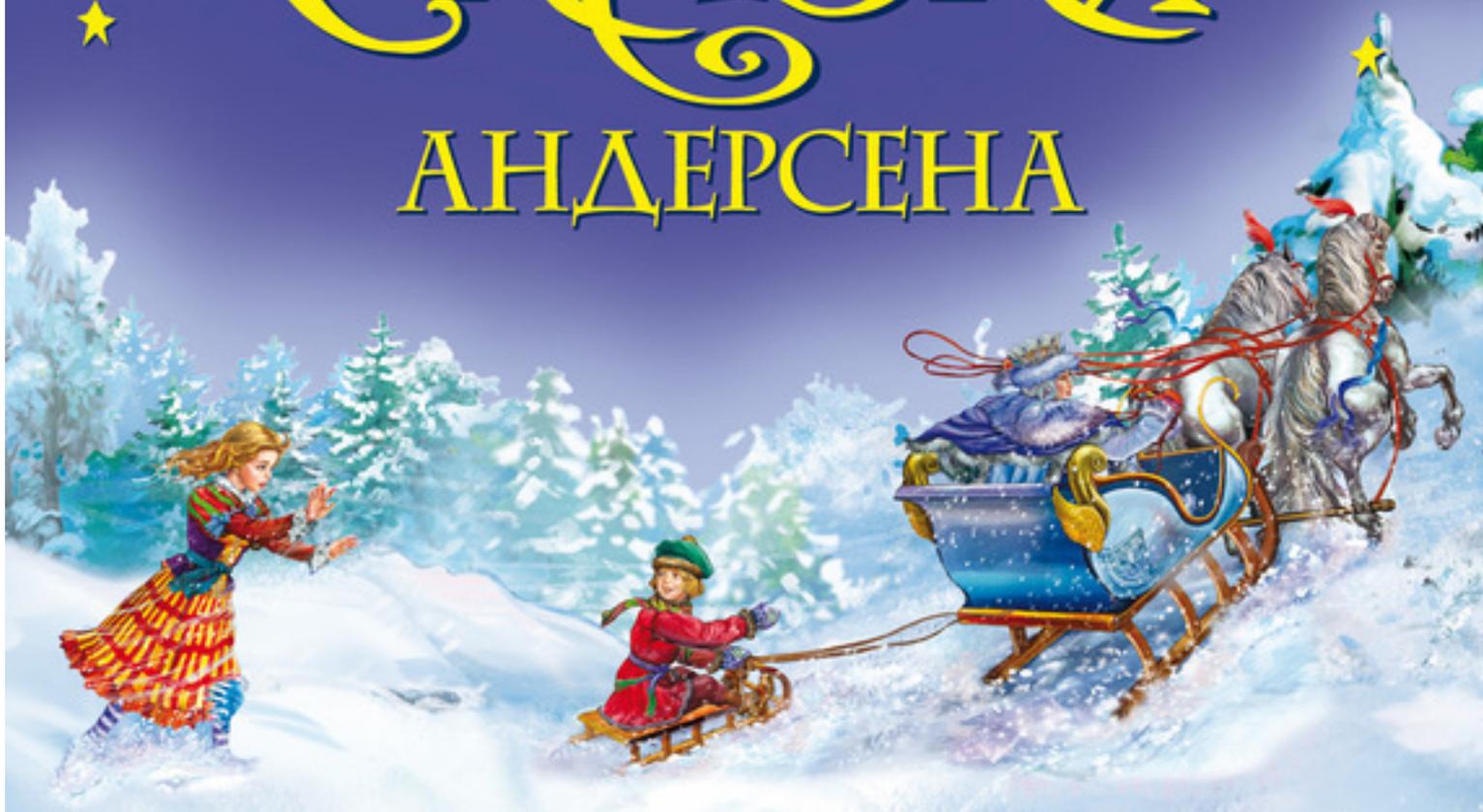

СКАЗКИ АНДЕРСЕНА

Лучшие сказки для детей

Ганс Андерсен
Сказки Андерсена

«Просвещение»

2013

Андерсен Г. Х.

Сказки Андерсена / Г. Х. Андерсен — «Просвещение»,
2013 — (Лучшие сказки для детей)

В сборнике представлены самые популярные сказки Ганса Христиана Андерсена: Снежная королева, Огниво, Гадкий утенок и др. На этих произведениях воспитывалось не одно поколение и должны вырасти современные дети. Как и все книги данной серии, издание красочно иллюстрировано.

© Андерсен Г. Х., 2013

© Просвещение, 2013

Содержание

Дюймовочка	6
Принцесса на горошине	15
Гадкий утёнок	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ганс Христиан Андерсен

Сказки Андерсена

Что за прелесть эти сказки...

Исключительное право на издание книги принадлежит ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону.

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013

Ганс Христиан Андерсен

Дюймовочка

Жила-была женщина, и ей очень хотелось иметь ребёнка... Она отправилась к старой колдунье и та ей сказала:

– Вот тебе ячменное зерно. Посади-ка его в цветочный горшок – увидишь, что будет!

Женщина пошла домой, посадила ячменное зерно, и вдруг из него вырос большой чудесный цветок, вроде тюльпана. Лепестки его были плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

– Какой славный цветок! – сказала женщина и поцеловала красивые лепестки.

Что-то щёлкнуло, и цветок распустился совсем. В самой его чашечке на зелёном стульчике сидела крошечная девочка. Она была такая нежная и маленькая, всего с дюйм ростом, что её прозвали Дюймовочкой...

Скорлупка грецкого ореха была её колыбелькой, голубые фиалки – матрасом, а лепесток розы – одеяльцем. В эту колыбельку Дюймовочку укладывали на ночь, а днём она играла на столе.

На стол женщина поставила тарелку с водой, у самого края которой плавал большой лепесток тюльпана. На нём Дюймовочка могла переправляться с одной стороны тарелки на другую. Два белых конских волоса были у неё вместо вёсел.

Раз ночью, когда Дюймовочка лежала в своей колыбельке, через разбитое оконное стекло пролезла большущая, мокрая, безобразная жаба! Она вспрыгнула на стол, где под розовым лепестком спала Дюймовочка.

– Вот и жена моему сынку! – сказала жаба, взяла ореховую скорлупу с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

Там протекала большая, широкая река. У самого берега было топко и вязко, здесь-то, в тине, и жила жаба с сыном...

В реке росло множество кувшинок, их широкие зелёные листья плавали по поверхности воды. Самый большой лист был дальше всех от берега, жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупу с девочкой...

Маленькие рыбки, которые плавали под водой, столпились у стебля, на котором держался лист, перегрызли его зубами, и листок с девочкой поплыл по течению.

Мимо летел майский жук, увидел девочку, обхватил её за тонкую талию лапкой и унёс на дерево. Он покормил её сладким цветочным соком и сказал, что она прелесть какая хорошенькая. Потом к ним пришли с визитом другие майские жуки. Они оглядывали девочку с головы до ног и говорили:

– У неё только две ножки! Жалко смотреть! У неё нет усиков! Какая у неё тонкая талия! Фи! Она совсем как человек! Как некрасиво!

Услышав эти слова, майский жук не захотел, чтобы Дюймовочка жила у него, слетел с крошкой с дерева и посадил её на ромашку...

Целое лето и осень прожила Дюймовочка одна-одинёшенька в лесу. Дело пошло к длинной холодной зиме. Дрожа от холода, бедняжка пришла к двери полевой мыши.

Полевая мышь жила в тепле и довольстве: все амбары были битком набиты хлебными зёрнами, кухня и кладовая ломились от припасов! Дюймовочка встала у порога, как нищенка, и попросила подать ей кусочек ячменного зерна – она два дня ничего не ела!

– Ах ты, бедняжка! – сказала полевая мышь. – Ступай сюда, погрейся да поешь со мною! Девочка понравилась мыши, и мышь сказала:

– Ты можешь жить у меня всю зиму, только убирай хорошенько мои комнаты. А еще не забывай рассказывать мне сказки – я до них большая охотница.

Дюймовочка стала делать всё, что приказывала ей мышь, и зажила отлично.

– Скоро у нас будут гости, – сказала как-то полевая мышь. – Мой сосед навещает меня раз в неделю. Он живёт ещё лучше меня: у него огромные залы, а ходит он в чудесной бархатной шубке. Вот если бы тебе удалось выйти за него замуж! Ты бы зажила на славу! Беда только, что он слеп и не может видеть тебя: но ты расскажи ему самые лучшие сказки, какие только знаешь.

Девочке вовсе не хотелось выходить замуж за соседа – ведь это был крот. Он вправду носил чёрную бархатную шубку, был очень богат и учён. Он не любил ни солнца, ни прекрасных цветов и отзывался о них очень дурно – ведь он никогда их не видел. Девочка спела две песенки, да так мило, что крот прямо-таки в неё влюбился.

Крот прорыл под землёй длинную галерею от своего жилья к дверям полевой мыши и позволил мыши и девочке гулять по этой галерее.

В самой середине галереи лежала мёртвая ласточка. Бедная птичка, верно, умерла от холода. Девочка склонила голову на грудь птички, но вдруг сердечко птицы забилося. Она не умерла, а только окоченела от холода, и теперь согрелась и ожила...

– Благодарю тебя, милая крошка! – сказала ласточка. – Я согрелась.

Ласточка рассказала девочке, как поранила крыло о терновый куст, упала на землю и не могла улететь вместе с другими ласточками в тёплые края. Она ничего не помнила и как попала сюда – не знала...

Всю зиму Дюймовочка ухаживала за ласточкой.

Когда настала весна и пригрело солнышко, ласточка распрощалась с девочкой...

Дюймовочке было очень грустно. Ей совсем не позволяли выходить на солнышко. Каждый вечер крот приходил к полевой мыши в гости и болтал о том, что скоро лето кончится, солнце перестанет палить землю и тогда они сыграют свадьбу. Но девочка была совсем не рада: ей не нравился скучный крот.

Наступил день свадьбы. Крот пришёл за девочкой. Теперь ей придётся идти в нору, жить глубоко-глубоко под землёй и никогда не выходить на солнце. Бедной крошке было тяжело навсегда распрощаться с солнышком и она вышла взглянуть на него в последний раз...

– Кви-вить, кви-вить! – вдруг раздалось над её головой.

– Скоро придёт холодная зима, – сказала ласточка, – я улетаю далеко-далеко, в тёплые края. Хочешь лететь со мной? Мы улетим далеко за синие моря, в тёплые края, где солнышко светит ярче, где всегда лето и цветут чудные цветы!

– Да, да, я полечу с тобой! – сказала Дюймовочка, села птичке на спину, упёрлась ножками в её распростёртые крылья и крепко привязала себя поясом к самому большому перу.

Вот наконец и тёплые края! Солнце сияло тут гораздо ярче, небо было выше, а вдоль изгородей вился зелёный виноград.

– Выбери себе самый красивый цветок. Я посажу тебя в его чашечку, и ты отлично заживёшь! – сказала ласточка.

Дюймовочка выбрала себе цветок, ласточка спустилась и посадила девочку на один из широких лепестков. В самой чашечке цветка сидел маленький человечек. На голове у него сияла прелестная золотая корона, за плечами развевались блестящие крылышки, а сам он был не больше Дюймовочки. Это был сам король эльфов... Он снял свою золотую корону, надел её Дюймовочке на голову и спросил, как её зовут, и хочет ли она стать его женой, королевой эльфов и царицей цветов? Девочка согласилась.

Тогда из каждого цветка вылетели эльфы – мальчики и девочки, такие хорошенькие, что просто прелесть! Все они поднесли Дюймовочке подарки. Самым лучшим подарком была пара прозрачных стрекозиных крылышек. Их прикрепили девочке к спинке, и теперь она тоже могла летать с цветка на цветок! Вот-то была радость! А ласточка сидела наверху, в своём гнёздышке, и пела им, как только умела...

Принцесса на горошине

Жил-был принц, он хотел взять себе в жёны принцессу, да только настоящую принцессу. Вот он и объехал весь свет, искал такую, да повсюду было что-то не то. Принцесс было полно, а вот настоящие ли они, этого он никак не мог распознать.

Вот и воротился он домой и очень горевал: уж так ему хотелось настоящую принцессу.

Как-то к вечеру разыгралась страшная буря; сверкала молния, гремел гром, дождь лил как из ведра, ужас что такое! И вдруг в городские ворота постучали, и старый король пошёл отворять.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на кого она была похожа! Вода стекала с её волос и платья прямо в носки башмаков и вытекала из пяток, а она говорила, что она настоящая принцесса.

«Ну, это мы разузнаем!» – подумала старая королева, но ничего не сказала, а пошла в спальню, сняла с кровати все тюфяки и подушки и положила на доски горошину, а потом взяла двадцать тюфяков и положила их на горошину, а на тюфяки ещё двадцать перин из гагачьего пуха. На этой постели и уложили на ночь принцессу.

Утром её спросили, как ей спалось.

– Ах, ужасно плохо! – отвечала принцесса. – Я всю ночь не сомкнула глаз. Бог знает, что там у меня было в постели! Я лежала на чем-то твёрдом, и теперь у меня всё тело в синяках! Это просто ужас что такое!

Тут все поняли, что перед ними настоящая принцесса. Ещё бы, она почувствовала горошину через двадцать тюфяков и двадцать перин из гагачьего пуха! Такой нежной может быть только настоящая принцесса!

Принц взял её в жены, ведь теперь-то он знал, что берёт за себя настоящую принцессу, а горошина попала в кунсткамеру, где её можно видеть и поныне, если только никто её не стащил. Знайте, что это правдивая история!

Гадкий утёнок

Хорошо было за городом! Стояло лето, рожь уже пожелтела, овсы зеленели, сено было смётано в стога; по зелёному лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски – он выучился этому языку от матери. За полями и лугами шли большие леса с глубокими озёрами в чаще. Да, хорошо было за городом! Прямо на солнышке лежала старая усадьба, окружённая глубокими канавами с водой; от самого строения вплоть до воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребята могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост. В самой чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей порядком надоело это сидение – её мало навещали: другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухе да кричать с нею. Наконец яичные скорлупки затрещали.

– Пи! Пи! – слышалось из них, яичные желтки ожили и повысунули из скорлупок носики.

– Живо! Живо! – закричала утка, и утята заторопились, кое-как выкарабкались и начали озираться кругом, разглядывая зелёные листья лопуха.

– Как мир велик! – сказали утята.

Еще бы! Теперь у них было куда больше места, чем тогда, когда они лежали в яйцах.

– А вы думаете, что тут и весь мир? – сказала мать. – Нет! Он идёт далеко-далеко, туда, за сад, в поле священника, но там я отроду не бывала!.. Ну, все, что ли, вы тут? – И она встала. – Ах, нет, не все! Самое большое яйцо целёхонько! Да скоро ли этому будет конец! Право, мне уж надоело.

И она уселась опять.

– Ну, как дела? – заглянула к ней старая утка.

– Да вот ещё одно яйцо остаётся! – сказала молодая утка. – Сижу, сижу, а всё толку нет! Но посмотри-ка на других! Просто прелесть! Ужасно похожи на отца! А он-то, негодный, и не навелит меня ни разу!

– Постой-ка, я взгляну на яйцо! – сказала старая утка. – Может статься, это индюшечье яйцо! Меня тоже надули раз! Ну и маялась же я, как вывела индюшат! Они страсть как боятся воды; уж я и крикала, и звала, и толкала их в воду – не идут, да и конец! Дай мне взглянуть на яйцо! Ну, так и есть! Индюшечье! Брось-ка его да ступай, учи других плавать!

– Посижу уж ещё! – сказала молодая утка. – Сидела столько, что можно посидеть и ещё немножко.

– Как угодно! – сказала старая утка и ушла.

Наконец затрещала скорлупка и самого большого яйца.

– Пи! Пи! – и оттуда вывалился огромный некрасивый птенец. Утка оглядела его.

– Ужасно велик! – сказала она. – И совсем не похож на остальных! Неужели это индюшонок? Ну да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

На другой день погода стояла чудесная, зелёный лопух весь был залит солнцем. Утка со всюю своею семьёй отправилась к канаве. Бултых! – и утка очутилась в воде.

– За мной! Живо! – позвала она утят, и те один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головками, но затем они вынырнули и поплыли так, что любо. Лапки у них так и работали; некрасивый серый утёнок не отставал от других.

– Какой же это индюшонок? – сказала утка. – Ишь как славно гребёт лапками, как прямо держится! Нет, это мой собственный сын! Да он вовсе и не дурён, как посмотришь на него хорошенько!

Ну, живо, живо, за мной! Я сейчас введу вас в общество: мы отправимся на птичий двор. Но держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум и гам! Две семьи дрались из-за одной угриной головки, и в конце концов она досталась кошке.

– Вот как идут дела на белом свете! – сказала утка и облизнула язычком клюв: ей тоже хотелось отведать угриной головки. – Ну, ну, шевелите лапками! – сказала она утятам. – Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех! Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у неё на лапке красный лоскуток? Как красиво! Это знак высшего отличия, какого только может удостоиться утка. Люди дают этим понять, что не желают потерять её; по этому лоскутку её узнают и люди, и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утёнок должен держать лапки врозь и выворачивать их наружу, как папаша с мамашей! Вот так! Кланяйтесь теперь и крякайте!

Они так и сделали, но другие утки оглядывали их и громко говорили:

– Ну, вот ещё целая орава! Точно нас мало было! А один-то какой безобразный! Его уж мы не потерпим!

И сейчас же одна утка подскочила и клюнула его в шею.

– Оставьте его! – сказала утка-мать. – Он вам ведь ничего не сделал!

– Положим, но он такой большой и странный! – отвечала забияка. – Ему и надо задать хорошенько!

– Славные у тебя детки! – сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. – Все очень милы, кроме одного... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

– Никак нельзя, ваша милость! – ответила утка-мать. – Он некрасив, но у него доброе сердце, и плавает он не хуже, смею даже сказать, лучше других. Я думаю, что он вырастет, похорошеет или станет со временем поменьше. Он залежался в яйце, оттого и не совсем удался. – И

она провела носиком по пёрышкам большого утёнка. – Кроме того, он селезень, а ему красота не так нужна. Я думаю, что он возмужает и пробьёт себе дорогу!

– Остальные утята очень-очень милы! – сказала старая утка. – Ну, будьте же как дома, а найдёте утрину головку, можете принести её мне.

Вот они и стали вести себя, как дома. Только бедного утёнка, который вылупился позже всех и был такой безобразный, клевали, толкали и осыпали насмешками решительно все – и утки, и куры.

– Он больно велик! – говорили все, а индюк, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, подлетел к утёнку, по глядел на него и пресердито залопотал; гребешок у него так весь и налился кровью. Бедный утёнок просто не знал, что ему делать, как быть. И надо же ему было уродиться таким безобразным посмешищем для всего птичьего двора!

Так прошёл первый день, затем пошло ещё хуже. Все гнали бедняжку, даже братья и сёстры сердито говорили ему: «Хоть бы кошка утащила тебя, несносного урода!» – а мать прибавляла: «Глаза бы мои тебя не видали!» Утки клевали его, куры щипали, а девушка, которая давала птицам корм, толкала ногою.

Не выдержал утёнок, перебежал двор и – через изгородь!

«Они испугались меня – такой я безобразный!» – подумал утёнок и пустился с закрытыми глазами дальше, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Усталый и печальный он просидел тут всю ночь.

Утром утки вылетели из гнёзд и увидели нового товарища.

– Ты кто такой? – спросили они, а утёнок вертелся, раскланиваясь на все стороны, как умел.

– Ты пребезобразный! – сказали дикие утки. – Но нам до этого нет дела, только не вздумай породниться с нами!

Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Лишь бы позволили ему посидеть тут в камышах да попить болотной водицы.

Два дня провёл он в болоте, на третий явились два диких гусака. Они недавно вылупились из яиц и потому выступали с большим форсом.

– Слушай, дружище! – сказали они. – Ты такой урод, что, право, нравишься нам! Хочешь бродить с нами и быть вольной птицей? Недалеко отсюда, в другом болоте, живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить «рап, рап!» Ты такой урод, что – чего доброго – будешь иметь у них большой успех!

«Пиф! паф!» – раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мёртвыми: вода окрасилась кровью. «Пиф! паф!» – раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пошла пальба. Охотники окружили болото со всех сторон. Голубой дым облаками окутывал деревья и стлался над водой. По болоту шлепали охотничьи собаки; камыш качался из стороны в сторону. Бедный утёнок был ни жив ни мёртв от страха и только хотел спрятать голову под крыло, как глядь – перед ним охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она приблизила к утёнку свою пасть, оскалила острые зубы и – шлёп, шлёп – побежала дальше.

– Слава Богу! – перевёл дух утёнок. – Слава Богу! Я так безобразен, что даже собаке не хочется укусить меня!

И он притаился в камышах; над головою его то и дело летали дробинки, раздавались выстрелы.

Пальба стихла только к вечеру, но утёнок долго ещё боялся пошевелиться. Прошло ещё несколько часов, пока он осмелился встать, оглядеться и пуститься бежать дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утёнок еле-еле мог двигаться.

К ночи он добежал до бедной избушки. Избушка так уже обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, оттого и держалась. Ветер так и подхватывал утёнка – приходилось упираться в землю хвостом!

Ветер всё крепчал. К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит совсем криво: можно было свободно проскользнуть через эту щель в избушку. Так он и сделал.

В избушке жила старушка с котом и курицей. Кота она звала сыночком; он умел выгибать спинку, мурлыкать и даже испускать искры, если его гладили против шерсти. У курицы были маленькие, коротенькие ножки, её и прозвали Коротконожкой; она прилежно несла яйца, и старушка любила её, как дочку. Утром пришельца заметили: кот начал мурлыкать, а курица клохтать.

– Что там? – спросила старушка, осмотрелась и заметила утёнка, но по слепоте своей приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому. – Вот так находка! – сказала старушка. – Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну да увидим, испытаем!

И утёнка приняли на испытание, но прошло недели три, а яиц всё не было. Господином в доме был кот, а госпожою курица, и оба всегда говорили: «Мы и свет!» Они считали самих себя половиной всего света, притом – лучшею его половиной. Утёнку же казалось, что можно на этот счёт быть и другого мнения.

Курица, однако, этого не потерпела.

– Умеешь ты нести яйца? – спросила она утёнка.

– Нет!

– Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

– Умеешь ты выгибать спинку, мурлыкать и испускать искры?

– Нет!

– Так и не суйся со своим мнением, когда говорят умные люди!

И утёнок сидел в углу, нахохлившись. Вдруг вспомнились ему свежий воздух и солнышко, и ему страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

– Да что с тобой?! – спросила она. – Бездельничаешь, вот тебе блажь в голову и лезет! Неси-ка яйца или мурлычь – дурь-то и пройдёт!

– Ах, плавать по воде так приятно! – сказал утёнок. – А что за наслаждение нырять в самую глубь с головой!

– Хорошо наслаждение! – сказала курица. – Ты совсем рехнулся! Спроси у кота – он умнее всех, кого я знаю, – нравится ли ему плавать или нырять! О себе самой я уж не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки госпожи: умнее её нет никого в свете! По-твоему, и ей хочется плавать или нырять с головой?

– Вы меня не понимаете! – сказал утёнок.

– Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймёт! Что ж, ты хочешь быть умнее кота и госпожи, не говоря уже обо мне? Не дури, а благодари-ка лучше Создателя за всё, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, тебя окружает такое общество, в котором ты можешь чему-нибудь научиться, но ты – пустая голова, и говорить-то с тобой не стоит! Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя: по этому всегда узнаются истинные друзья! Старайся же нести яйца или выучись мурлыкать да пускать искры!

– Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят! – сказал утёнок.

– И с Богом! – отвечала курица.

И утёнок ушёл, плавал и нырял с головой, но все животные по-прежнему презирали его за безобразие.

Настала осень; листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер подхватывал и кружил их по воздуху; наверху, в небе, стало так холодно, что тяжёлые облака сеяли градом и снегом, а на изгороди сидел ворон и каркал от холода во всё горло. Брр! Замёрзнешь при одной мысли о таком холоде! Плохо приходилось бедному утёнку.

Раз вечером, когда солнышко ещё так славно сияло на небе, из-за кустов поднялась целая стая чудных больших птиц; утёнок сроду не видал таких красавцев: все они были белы как снег, с длинными, гибкими шеями! То были лебеди. Они испустили какой-то странный крик, взмахнули великолепными большими крыльями и полетели с холодных лугов в тёплые края, за синее море. Они поднялись высоко-высоко, а бедного утёнка охватило какое-то странное волнение. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже испустил такой громкий и странный крик, что и сам испугался. Чудные птицы не шли у него из головы, и, когда они окончательно скрылись из виду, он нырнул на самое дно, вынырнул опять и был словно вне себя. Утёнок не знал, как зовут этих птиц, куда они летели, но полюбил их, как не любил до сих пор никого. Он не завидовал их красоте: ему и в голову не могло прийти пожелать походить на них; он рад бы был и тому, чтоб хоть утки-то его от себя не отталкивали. Бедный безобразный утёнок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.